

Научная статья

УДК 93.36.172

doi 10.46741/sjournal.2023.11.4.007

Реформы Александра II и их влияние на моральный облик общества

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ПАНИЩЕВ

Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса, Курск, Россия

Славяно-Греко-Латинская Академия, Москва, Россия

Alexeipl1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

Аннотация. В статье проведен анализ реформ правительства Александра II. Акцент сделан на их этических и духовных последствиях. Отмечается, что результаты деятельности Александра II выглядели позитивно лишь по документальной отчетности, но при этом они спровоцировали нравственный надлом в обществе, дискредитировали саму государственную власть в сознании народа. Традиционно основой Российского государства выступала православная церковь, однако, будучи частью государственной системы, она сама оказалась в трудном положении и не могла комплексно и эффективно решать свои задачи. В конечном итоге все это породило социальные движения, которые впоследствии привели к заговору против царя Николая II и февральской буржуазной революции в 1917 г.

Ключевые слова: реформы Александра II; нравственное сознание; Церковь; государство.

5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Для цитирования: Панищев А. Л. Реформы Александра II и их влияние на моральный облик общества // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 52–61. doi 10.46741/sjournal.2023.11.4.007.

Original article

Reforms of Aleksandr II and Their Impact on the Moral Image of Society

ALEKSEI L. PANISHCHEV

Kursk Institute of Management, Economics and Business, Kursk, Russia

Slavic Greek Latin Academy, Moscow, Russia

Alexeipl1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

Abstract. The article analyzes reforms of the government of Aleksandr II. Their ethical and spiritual consequences are emphasized. It is noted that the reign of Aleksandr II was positively described only in documentary reports, but at the same time they provoked a moral breakdown in society, discredited the very state power in the minds of the people. Traditionally, the basis of the Russian state was the Orthodox Church, however, being

part of the state system, it found itself in a difficult position and could not comprehensively and effectively solve its tasks. In the end, all this gave rise to social movements, which subsequently led to a conspiracy against Tsar Nicholas II and the February Bourgeois Democratic Revolution in 1917.

Key words: reforms of Aleksandr II; moral consciousness; Church; state.

5.6.1. Domestic history (historical sciences).

For citation: Panishchev A.L. Reforms of Aleksandr II and their impact on the moral image of society. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 52–61. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.007.

При анализе правления Николая II как последнего представителя монархической династии в России обычно делают акцент на времени его царствования без учета того наследия, которое ему досталось от предшественников. Между тем именно оно стало основой для революций в России. Целью данной работы является анализ особенностей и результатов реформ Александра II, послуживших предпосылками для кризиса и последующего крушения династии Романовых. Акцент в статье сделан на моральном облике общества, степень развития которого отражала соответствие между официально провозглашаемыми христианскими принципами и социально-правовой действительностью. Моральный облик общества представляет собой комплекс принципов, норм, которые в социуме считаются ценными, правильными и детерминирующими поведение людей. Эти нормы поощряются со стороны государственной власти и культивируются в системе образования. Если провозглашаемые этические принципы кардинально расходятся с социально-правовыми реалиями, то уместно констатировать кризис нравственного сознания.

Характеризуя правление Николая II, необходимо учитывать то, что социально-экономические и политические реалии Российской империи начала XX в. детерминированы теми масштабными и комплексными преобразованиями, которые проводились под управлением императора Александра II. В определенном смысле Николай II оказался неким заложником системы, во многом порожденной Александром II. В 1860–1870-е гг. было определено основное направление, в котором происходило развитие страны. Реформирование России в этот период оказалось настолько значительным, что сильнейшим образом отразилось на нравственном сознании российского общества.

Реформы, проводимые императором Александром II, традиционно оцениваются положительно, однако есть мнение, согласно которому именно их результаты поставили русский народ в такие условия, что Россия оказалась на прямом пути к революциям, произошедшим в 1917 г. Стало быть, не все так однозначно с реформами императора Александра II. Разумеется, крепостное право в XVIII–XIX вв. стало очевидным злом, препятствовавшим развитию страны. Уже в XVIII в. необходимо было преодолеть феодальную формацию как устаревшую форму организации социально-правовых отношений. О кризисе крепостничества пишет В. А. Федоров, подчеркивая, что «наиболее дальновидные помещики осознавали преимущества вольнонаемного труда перед крепостным» [1, с. 6]. Неэффективность крепостничества в России с середины XIX столетия признавалась обществом в целом.

Очевидно, что отмена крепостного права была необходима, однако вопрос состоит в том, каким образом его отменили в России. Неслучайно, что в период с 1855 по 1861 г. в России произошло много крестьянских восстаний. Их количество в разных исследованиях различается, что вполне объяснимо, так как не всегда ясно, по каким критериям выступление или открытый протест крестьян можно называть восстанием. «За пять лет до отмены крепостного права число крестьянских волнений составило, по разным данным, от 474 до 926» [2, с. 259]. В. А. Федоров пишет: «За 1857 год властями было зафиксировано 192 крестьян-

ских выступления... за 1858 год... – уже 528 таких случаев» [1, с. 12]. Далее В. А. Федоров пишет о 1849 массовых крестьянских волнениях за неполный 1861 г. [1, с. 27]. Встречается цифра и меньше – 1200 [3, с. 558]. Однако дело не в цифрах – суть состоит в том, что реформа 1861 г. крестьянами была воспринята в качестве очередной попытки власти их ограбить. Английский историк Д. Мун, называя революции в России начала XX в. крестьянскими, считает, что именно неудачная реформа 1861 г. стала основной предпосылкой к ним. Крестьянские революции, как полагает Д. Мун, указывают на то, что государственная власть, упразднив крепостничество в 1861 г., не смогла заменить его жизнеспособным социально-экономическим порядком в сельских районах [4, с. 123].

Важно обратить внимание на то, что не было реальных попыток наладить диалог между властью и трудовым народом, основную часть которого составляло крестьянство. Людей, пытавшихся узнать особенности крестьянской реформы 1861 г., в результате которой их положение стало нищенским, попросту физически уничтожали. Это было время начала массовых сомнений в религиозности царя. После расстрела крестьян в селе Бездна на одном из кладбищ Казани студенты Казанской духовной академии провели панихиду, где называли погибших крестьян невинно убиенными. По случаю этой панихиды власть провела громкое расследование с допросами и студентов, и представителей руководства Академии. «После рассмотрения всех его обстоятельств и получения отзыва московского святителя Святейший Синод принял решение о ссылке священника Иоанна Яхонтова в Соловецкий монастырь, иеродиакона Мелетия (Якимова), ввиду хороших отзывов о нем, было решено отправить в посольский Спасо-Преображенский монастырь в Иркутске. Бакалавр А. П. Шапов был исключен из духовного звания» [5, с. 31–32]. Более того, была вероятность закрытия духовной академии. Подчеркнем, что речь идет не об участии студентов в политических акциях или работе оппозиционных партий, а о соответствующей культуре христианства, панихиде по убитым людям. Именно в 1861 г. впервые зафиксирован случай восстания крестьян под Красным флагом – это Кандиевское восстание, которое подавили силой [6].

Отмена крепостного права прошла настолько грабительски, что если ранее народ видел в царе своего радетеля и высокий этический образ, а пороки системы приписывал помещикам и министрам, то теперь государственная власть в лице царя показала свое вопиюще аморальное отношение к трудовому народу. Навязанные крестьянам кредиты предполагали выплату не только их самих, но и процентов, что в религиозном сознании вызывало недоумение, так как ростовщичество в христианской культуре осуждается.

Примечательно, что в России уже был опыт освобождения крепостных крестьян. «Освобождение крестьян в Прибалтике, совершившееся раньше, чем в остальной части страны, было осуществлено так, что вся земля осталась в руках немецких баронов-помещиков. Голод и эпидемии не покидали край...» [7, с. 158] Об отрицательных результатах отмены крепостничества в Эстонии пишет Н. А. Федоров: «Материальное положение эстонских крестьян в результате такого “освобождения” ухудшилось» [1, с. 13]. Иначе говоря, то, что освобождение крестьян без земли не решает проблему нищеты и технической отсталости русской деревни, было очевидным фактом еще в 1840-х гг. Однако реформа 1861 г. не сильно отличалась от тех перемен, которые прошли в Прибалтике в годы правления Николая I. Примечательно, что ограбленными посредством такой крестьянской реформы чувствовали себя не только крестьяне, но и дворяне, посчитавшие денежные компенсации за свои родовые владения сильно заниженными. Историк Н. А. Рожков усматривает в такой реформе изначальную основу для происхождения революций в России [8, с. 392]. По сути, Александр II такими реформами подорвал уважение к царю и государству в глазах всех социальных слоев.

Освобождение крестьянства вкупе с его массовым обнищанием закономерно привело к тому, что значительная его часть направилась в город, пополняя рабочий класс. Обшир-

ный рынок труда дал капиталистам соблазн спекулировать на дефиците рабочих мест в условиях большого количества соискателей. В результате вместо того, чтобы вкладывать финансы в развитие, расширение производства, увеличение рабочих мест, улучшение жилищных условий пролетариата, рабочим людям платили мизерную заработную плату и предоставляли такие условия проживания, которые не просто были унижительными, но нередко противоречили элементарным правилам санитарной безопасности. В итоге стали шириться те столичные кварталы, которые в литературе известны под названием «Петербург Достоевского», где грязь не только физическая, но и моральная вживается в быт людей. В музыкальной культуре суть трагедии трудовых людей нашла отражение в таких песнях того времени, как, например, «Белые туфельки», «Маруся отравилась». Сюжеты для них диктовались самой жизнью.

Нищета рабочих, злоупотребление со стороны капиталистов своей властью над трудовыми людьми препятствовали развитию нравственных качеств людей, более того, провоцировали аддиктивные формы поведения. Закономерно, что отношение пролетариата к государственной власти утратило прежнее благоговение и становилось недоверчивым и подчас агрессивным.

В другой части общества, бывшей в меньшинстве, но отличавшейся образованностью, проходили схожие процессы. Нельзя сказать, что интеллигенция от реформ обнищала или уронила свой социальный статус. Например, учителя, врачи, инженеры, агрономы стали более востребованы, их труд не всегда, но в целом в крупных городах относительно хорошо оплачивался. Однако важной чертой интеллигенции являлось стремление помочь своим ближним, иначе говоря, видя положение трудового неграмотного народа, ее представители не могли довольствоваться собственным благополучием, причем условным, поскольку плохо русскому человеку, если плохо кому-то другому. В. С. Соловьев справедливо отметил: «Бедность сама по себе не есть зло, так же, как и болезнь: зло – это оставаться безучастным к страданиям своего ближнего» [9, с. 237]. Стоит ли удивляться, что именно интеллигенция составила социальную базу для движения народолюбцев, которое достаточно быстро из просветительского стало террористическим. Люди, провозглашавшие высокие идеи человеколюбия, в таких общностях становились террористами, шедшими на убийство своих сограждан, в которых видели классовых врагов, душителями Отечества.

Примечательно, что трудовой народ, несмотря на тяжелые и унижительные условия своей жизни, в террористических группировках обычно никакого активного участия не принимал, считая это занятиями для других слоев населения по принципу «бары сами разберутся». Однако отношение к народолюбцам, как правило, было сочувственное. В образованной же части населения, преимущественно живущей в городах, террористов подчас приветствовали, тем более объектами для атак они выбирали не трудовых людей из народа, а тех чиновников и капиталистов, которые жили в роскоши и дискредитировали себя в глазах общества аморальными поступками. В начале XX в. людей, совершавших террористические атаки на крупных государственных чиновников, рассматривали не как преступников, а как героев, что нашло отражение в творчестве таких поэтов, как А. Блок, М. Мандельштам, З. Гиппиус, Д. Мережковский, М. Волошин [10, с. 49]. Уже сам факт того, что террористы значительной частью общества не осуждались, что общественное мнение в той или иной мере с ними соглашалось, указывает на кризисные явления, носящие нравственный и правовой характер. Между тем история учит тому, что нравственный регресс есть обязательное условие для крушения государства. Так, древнеримский историк Катон считал, что «упадок гражданского и политического сознания римлян, связанный с упадком нравственных устоев, приведет к крушению Рима» [11, с. 26]. Эти же слова можно применить и к России начала XX в., актуальны они и в XXI в.

Следует подчеркнуть, что терроризм, культивируемый членами организации «Народная воля», не исправил никаких пороков социально-политической системы, но во многом

посодействовал нравственному регрессу. Александр III после убийства Александра II лишь усилил репрессивный аппарат, начал резко ограничивать права и свободы подданных, при этом свои действия он морально оправдывал перед аристократической общественностью тем, что боролся с государственными преступниками, убийцами его отца. В число таких легко вписывались люди либеральных взглядов, никакого отношения к терроризму не имевшие. «Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть целого, которое без него распадется или замертвеет...» [12, с. 14]. Действия террористов привели не к освобождению от несправедливости и чрезмерного гнета чиновников, а к подавлению либеральных и прогрессивных идей, консервированию системы, впоследствии свергнутой насильственным путем. Таким образом, терроризм, какими бы идеями справедливости и праведной мести он ни прикрывался, лишь усугубил кризис нравственного сознания.

Особенно важным являлось то, что политическая система стала стремительно терять моральный авторитет почти у всех слоев населения империи. Вместе с утратой доверия к государственной власти народ начал терять уважение и к своему государству, праву, которое обеспечивало ненавистному большинству населения порядок. Так, постепенно началась ломка нравственных ценностей, которые столетиями складывались в русском обществе и служили фундаментом для монархического правления. Государственная власть укрепляется в нации лишь тогда, когда ассоциируется со справедливостью. Например, в истории Испании, когда было множество «Испаний», власть кастильской короны укреплялась тем, что ее представители в XV в. регулярно перемещались по всей стране, являя всем народам Иберии пример справедливости и ответственности [13, с. 29]. После того, как в Испании власть потеряла смысл социальной справедливости, вся страна оказалась в затяжном кризисе, в результате которого были утрачены обширные заморские владения и статус мировой державы. В России в общественном сознании в конце XIX в. государственная власть фактически ассоциировалась с несправедливостью. Именно падение морального авторитета власти стало важнейшим условием для кризиса нравственного сознания в России начала XX в. О глубине нравственного и правового кризиса общества Российской империи свидетельствует интенсивная эмиграция из страны. Люди фактически бежали из России, где были не нужны или обречены на голодное существование. «Только в США в период 1901–1904 гг. эмигрировало из России в среднем 120 тысяч человек; в 1905–1908 годах – до 200 тысяч...» [14, с. 84]. О массовом отъезде людей из России в США также пишет современный исследователь А. Б. Широкопад, который подчеркивает, что даже после революции и гражданской войны эмиграция не была столь широкой, каковой являлась до 1914 г. [15, с. 189]. Такая эмиграция, сопряженная с большим риском, свидетельствует о том, что значительная часть населения России не видела своего счастливого будущего в родной стране, так что говорить о патриотизме населения в России начала XX в. можно лишь условно и избирательно.

Разумеется, реформы Александра II послужили определенным стимулом к комплексу других преобразований, например, в судебной и военной сферах. Качество юридического образования в России заметно выросло. Также новые реалии стали условием для развития в России философии права, сложились два его течения – естественное и позитивное право, что свидетельствует о новых правовых основаниях развития социальных отношений в обществе между людьми разных сословий [16, с. 5].

Философская мысль в русской культуре оказалась не на службе у царской власти, так как интеллектуальный анализ действительности обусловил более критическое отношение к монархии, хотя и в сдержанных тонах. Наконец, русская философия антропоцентрична, этикоцентрична. Ее сложно однозначно назвать гуманистичной в современном смысле, так как для большинства русских мыслителей значимость человека определялась мерой его сопричастности Богу, однако тема любви к людям была в ней особо значимой. Не находя любви к человеку со стороны государственной власти, философы не могли в последней видеть моральный авторитет.

Реформы судебной системы, городского управления, армии и флота в значительной мере были производными от крестьянской реформы, так что неудивительно, что они отличались таким же лицемерием, как и отмена крепостного права. По существу, авторитет сословного происхождения был заменен на финансовое состояние человека. Тем не менее сословность сохранялась в качестве составляющей жизни общества. Тут примечательно вспомнить обстоятельства получения чина гардемарина С. О. Макаровым. Это произошло как раз в период проведения военной реформы. С. О. Макаров оканчивал Морской корпус. Учился будущий адмирал отлично и имел положительные характеристики от преподавателей, адмиралов... Однако препятствием для дальнейшего повышения в гардемарина для Макарова стало его происхождение (сын боцмана). Когда же выяснилось, что на момент рождения С. О. Макарова его отец был уже произведен в офицеры, удалось убедить комиссию дать Степану Осиповичу чин гардемарина. «Родись он двумя годами раньше, то есть до получения его отцом офицерского чина, ему пришлось бы остаться в корпусе флотских штурманов или перейти на частную службу...» [17, с. 35]. Такого рода порядки подтверждают силу сословных пережитков в России, их негласное давление на жизнь населения страны. Многие права и свободы провозглашались лишь формально и дальше канцелярских документов не распространялись, тем более в трудовом народе, поскольку по причине массовой неграмотности редко кто мог знать о существовании таковых.

Одной из важнейших причин для усугубления кризиса нравственного сознания стало подчиненное положение Русской православной церкви (в то время Российской православной церкви), которая со времен Петра I управлялась светским органом власти – Священным Синодом. В русской философии тема отношений между церковью и государством рассматривалась достаточно активно, и философская мысль признавала приоритет церкви. Основную идею взаимоотношений церкви и государства можно выразить словами Ф. М. Достоевского: «По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как высший тип в низший тип, а напротив, государство должно лишь кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно церковью и ничем иным более» [12, с. 73]. Похожие идеи излагались крупнейшим русским мыслителем В. С. Соловьевым: «Церковь должна быть независимой от Государства, она должна иметь центр единства вне Государства и над ним, должна быть воистину Вселенской Церковью» [9, с. 220]. Возможно, российские государственные деятели того времени полагали, что церковь может быть государственной, что имеет место быть в протестантизме. Именно на такую модель Церкви ориентировался Петр I, реформируя Россию по образцу тех западноевропейских стран, где доминировал протестантизм. Ответ на такую мысль в русской философии сформулировал Н. А. Бердяев: «Государство относится к церкви совсем так, как научное знание относится к религиозной вере. Государственная церковь, государственное христианство есть такая же ложь и невозможность, как и научная вера, как и религия, основанная на знании» [18, с. 214]. Впрочем, неграмотному народу мнение философов было почти неизвестно, а государственная власть этим мнением не очень интересовалась, тем более если оно не отвечало ее амбициям. Более того, Александр II вовсе не был таким либералом, каким его нередко представляют в современной Российской Федерации. Так, когда врач Н. И. Пирогов выразил свое мнение по поводу того, что государство неудовлетворительно обеспечивало военные госпитали, раненых солдат, он незамедлительно был выслан из столицы (вначале в Киев, а потом в Одессу), а при выходе на пенсию не получил никакого денежного обеспечения от государства. Когда философ В. С. Соловьев выступил против смертной казни, то его уволили из университета и запретили преподавать. Такого рода примеры наглядно свидетельствуют о том, что Александр II попросту не желал слушать те речи, в которых говорилось о тяжелой действительности, царю были нужны победные реляции и отчеты об успехах, даже если таковые были лишь на бумаге.

Отметим, что офицеры царской армии вели воспитательную работу и регулярно о ней отчитывались. Тем не менее действительность была такова, что любое воспитательное

слово, сказанное офицером, который в силу классового шовинизма избивает солдат или наживается на них за счет казнокрадства, имело обратный эффект. Сами высшие чиновники нередко выражали презрение к народу, который не покладая рук работал на их роскошную жизнь. В. С. Пикуль, выражая эту мысль, вложил в уста окружного начальника на Сахалине Зальца слова, соответствующие общим тенденциям того времени: «Если в Корсакове нельзя поставить скамейку на улице, где ее изрежут всякой похабщиной, то такому народу, каков русский, совсем не нужны достижения цивилизации, он нуждается только в плетях и кутузках» [19, с. 227]. В этом умозаключении отражается и низкий культурный уровень населения, так как похабщина объективно не соответствует человеческому достоинству, но вместе с этим и нравственное разложение аристократии, упивавшейся своей властью, искусственно державшей народ в невежестве и бескультурии. Подчеркнем, что речь в данном случае идет о словах чиновника из Сахалина – места каторги, где условия содержания заключенных, включая политических, были гораздо более страшными, чем в тюремных лагерях в СССР 1930-х гг. Один факт того, что многие заключенные на сахалинской каторге были круглосуточно (включая ночное время сна) прикованы цепью к телегам, с которыми трудились, свидетельствует о свирепости царской власти. После уничтожения СССР стало модным писать о жестокостях сотрудников НКВД, однако при этом замалчивается то, что многие из них сами понесли уголовную ответственность за свои злоупотребления, также стало не принято вспоминать, что в дореволюционное время садистские избиения заключенных и подозреваемых являли собой обычную практику в работе жандармерии. На фоне войны с Японией уместно задать вопрос: могли ли сахалинские чиновники в случае высадки японских дивизий на остров вооружить заключенных? Между тем регулярных русских войск в 1904 г. на Сахалине было крайне мало – всего 1200 бойцов. Ссылных привлекали к работам по возведению укреплений, причем от каторжных работ это их не освобождало, что вряд ли добавляло патриотических чувств. Конечно, из каторжан создавали воинские формирования, эффективность которых могла бы быть выше, если бы между ними и лагерным начальством сложились доверительные отношения.

Царский генералитет, чиновники высшего звена, безусловно, на уличных скамейках и заборах пошлости не писали, но души их были испорчены, они допускали глумление над девушками и молодыми женщинами рабоче-крестьянского сословия, издевательства над бедными людьми. А. В. Широкоград отмечает, что большинство царских офицеров не занимались повышением профессионального уровня, а злоупотребляли спиртными напитками, играли в карты [21, с. 220]. Беседы о морали из уст таких офицеров были верхом цинизма и лицемерия. Служивые регулярно сталкивались с тем, что услышанное на проповеди от священника или в беседе от честного, достойного офицера разительным образом расходилось с действительностью повседневной жизни.

Отметим, что к воспитательной работе в армии и на флоте привлекались священнослужители, многие из которых искренне и добросовестно относились к своей миссии. Однако в условиях кризиса религиозного сознания и зависимости церкви от государственной власти их служение не было настолько эффективным, чтобы разрешить накопившиеся проблемы.

Думается, что подобное добросовестное выполнение своего долга священниками и офицерами во многом стало одной из причин будущих революционных настроений солдат, стремившихся воплотить христианские заповеди любви к человеку, честности, доброты. Понятие «добросовестность» здесь употреблено в самом позитивном контексте, так как священникам удалось донести до людей мысль о том, что Бог учит любить ближних, противостоять пороку, злу. Другой вопрос, что люди, получив такую информацию, увидели то, что живут в системе, которая противоречит заповедям Божьим. В обществе, где расхожим было выражение, что «все, что ниже барона, – не люди», христианские идеи были обречены оставаться фиктивными прокламациями, но именно искренняя религиозность привела

к протесту и стремлению разрушить такой безбожный порядок. Неслучайно А. Н. Толстой писал: «В раю, которым вы грезите, во имя которого вы хотите превратить человека в живой механизм... в этом страшном раю грозит новая революция, самая страшная из всех революций – революция Духа» [20, с. 13]. Примечательно, что в тех частях, где священство особенно преуспевало, появлялись солдаты, которые начинали участвовать в мероприятиях, организованных левыми партиями, требовавших социальной справедливости, честности от государственных чиновников, милосердного отношения к народу. Так, Ю. М. Гончаров, описывая успехи священства в деле воспитательной работы с солдатами сибирских частей, отмечает: «Пропаганда и агитация, проводимая социал-демократами в войсках региона, приносила свои плоды. Нередкими стали случаи участия солдат в распространении революционных прокламаций» [21, с. 92]. Среди некоторых солдат популярной стала РСДРП. Как видим, методы для воплощения христианских ценностей были выбраны явно не по благословию церкви, которая, как правило, не поддерживала революционные потрясения.

Особенно сильный удар по моральному облику военнослужащих, в том числе офицеров, нанесла практика использования армии в карательных целях для подавления крестьянских выступлений. Солдат, набранных в основном из крестьян, обязывали убивать голодных, нищих, которые в поисках справедливости обращались к государственной власти, а чиновники этих бесправных тружеников приказывали уничтожать. Превращение солдат в карателей, убийц собственного народа в итоге привело к сильнейшей нравственной деградации армии. Офицерство также понимало вопиющую безнравственность царских чиновников. Так, когда капитан В. Ф. Руднев, прославившийся в чемульпском бою на крейсере «Варяг», в ноябре 1905 г. получил приказ расстреливать протестовавших матросов, то он отказался это сделать, за что был отправлен в отставку.

Таким образом, мы можем констатировать, что условия нравственного кризиса в Российской империи начала XX в. были детерминированы следующими обстоятельствами:

- 1) нищенское и бесправное положение значительной части трудового населения страны;
- 2) отсутствие конструктивного диалога между народом и правящей династией;
- 3) использование солдат регулярной армии для подавления крестьянских и рабочих выступлений;
- 4) падение авторитета государственной власти;
- 5) отсутствие эффективных социальных лифтов и сословность общества;
- 6) зависимость Русской православной церкви от государственной власти.

Вот с таким набором этических и социально-правовых обстоятельств Россия вошла в XX столетие. Формально империя была мощной и внушала уверенность в благополучном будущем; масса отчетной документации, идущей к министрам царя, создавала самое благоприятное впечатление, однако внутренний нравственный надлом уже начинал давать о себе знать и особенно сильно проявился в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Нельзя однозначно утверждать, что общественность в ее полном составе этого надлома не осознавала. Об этом писалось и говорилось, однако в условиях отсутствия диалога между обществом и государственной властью интеллигенция не могла реально повлиять на положение дел в стране. Для того времени очень точно звучали ставшие крылатыми слова писателя Михаила Салтыкова-Щедрина: «Писатель пописывает, а читатель почитывает» (точное выражение этой мысли М. Е. Салтыковым-Щедриним такое: «Русский читатель, очевидно, еще полагает, что он сам по себе, а литература сама по себе. Что литератор пописывает, а он, читатель, почитывает. Только и всего. Попробуйте сказать ему, что между ним и литературной профессией существует известная солидарность, – он взглянет на вас удивленными глазами»). Тем не менее думается, что в высших эшелонах власти осознавали серьезность проблем, фиктивность отчетов, однако надеялись, что система, если рухнет, то когда-нибудь в будущем, не при их жизни. В этом убеждении скрывается безответствен-

ность как симптом регресса нравственного сознания аристократии. По сути, результаты реформ Александра II показали, что система себя изжила и качественные преобразования возможны уже в иной формации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи) / сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. М., 1994. 527 с.
2. Большакова О. В., Бабенко О. В. Традиционное крестьянское общество и реформа 1861 г. (Сводный реферат) // Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права) : сб. обзоров и рефератов / отв. ред. В. С. Коновалов. М., 2011. С. 251–263.
3. Blum J. *Lord and Peasant in Russia : From the Ninth to the Nineteenth Century*. New York, 1964. 656 p.
4. Moon D. *The abolition of Serfdom in Russia, 1762–1907*. Harlow, England ; New York, 2001. 200 p.
5. Тупикин Р. В. Участие студентов Казанской духовной академии в панихиде по крестьянам с. Бездна // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 82. С. 23–36.
6. Худеков Н. С. Бунт в Кандеевке в 1861 г. // Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994. С. 286–303.
7. Могилевский Б. Жизнь Пирогова. Повесть о великом хирурге и педагоге. М., 1953. 303 с.
8. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Л. ; М., 1928. Т. 11. 406 с.
9. Соловьев В. С. Россия и Вселенская Церковь. Минск, 1999. 1586 с.
10. Петухов В. Б. Героизация и оправдание террористов в общественном мнении россиян в конце XIX – начале XX века // Вопросы культурологии. 2013. № 7. С. 49–53.
11. Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. 142 с.
12. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 12 т. М., 1982. Т. 7. Идиот. 319 с.
13. Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М., 2008. 764 с.
14. Белкин С. И. Голубая лента Атлантики. Л., 1990. С. 240.
15. Широкопад А. Б. «Крестовый поход» против России. Тысячелетняя агрессия Запада. М., 2015. 352 с.
16. Панищев А. Л. Проблема соотношения нравственного и правового сознания в воззрениях В. С. Соловьева и И. А. Ильина : моногр. Курск, 2007. 128 с.
17. Островский Б. Степан Осипович Макаров (1848–1904). Л., 1951. 432 с.
18. Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 2002. 736 с.
19. Пикуль В. С. Собрание сочинений : в 13 т. М., 1994. Т. 5. Каторга. 227 с.
20. Толстой А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1982. Т. 5. Хождение по мукам. 584 с.
21. Гончаров Ю. М. Нижние чины Российской армии в региональном социуме Сибири второй половины XIX – начала XX в.: мировоззрение, бытовая культура и традиции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 89–95.

REFERENCES

1. *Konets krepostnichestva v Rossii (dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i)* [The end of serfdom in Russia (documents, letters, memoirs, articles)]. Moscow, 1994. 527 p.
2. Bol'shakova O.V., Babenko O.V. Traditional peasant society and the reform of 1861 (Summary abstract). In: Konovalov V.S. (Ed.). *Reforma 1861 g. v istorii Rossii (k 150-letiyu otmeny krepostnogo prava): sb. obzorov i referatov* [Reform of 1861 in the history of Russia (to the 150th anniversary of the serfdom abolition): collection of reviews and abstracts]. Moscow, 2011. Pp. 251–263. (In Russ.).
3. Blum J. *Lord and peasant in Russia: from the ninth to the nineteenth century*. New York, 1964. 656 p.
4. Moon D. *The abolition of Serfdom in Russia, 1762–1907*. Harlow, England; New York, 2001. 200 p.
5. Tupikin R.V. Participation of students of Kazan Theological Academy in requem for farmers in the village of Besdna. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*, 2018, no. 82, pp. 23–36. (In Russ.).

6. Khudekov N.S. The riot in Kandeyevka in 1861. In: *Konets krepostnichestva v Rossii. Dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i* [The end of serfdom in Russia. Documents, letters, memoirs, articles]. Moscow, 1994. Pp. 286–303. (In Russ.).
7. Mogilevskii B. *Zhizn' Pirogova. Povest' o velikom khirurge i pedagoge* [The life of Pirogov. The story of the great surgeon and teacher]. Moscow, 1953. 303 p.
8. Rozhkov N.A. *Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. T. 11.* [Russian history in comparative historical illumination]. Leningrad; Moscow, 1928. 406 p.
9. Solov'ev V.S. *Rossiya i Vselenskaya Tserkov'* [Russia and the Universal Church]. Minsk, 1999. 1,586 p.
10. Petukhov V.B. Glorification and justification of terrorists in public opinion of Russians at the end of 19th – the beginning of the 20th centuries. *Voprosy kul'turologii = Issues of Cultural Studies*, 2013, no. 7, pp. 49–53. (In Russ.).
11. Durov V.S. *Khudozhestvennaya istoriografiya Drevnego Rima* [Artistic historiography of Ancient Rome]. Saint Petersburg, 1993. 142 p.
12. Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii: v 12 t. T. 7. Idiot* [Collected works: in 12 volumes. Vol. 7. Idiot]. Moscow, 1982. 319 p.
13. Keimen G. *Ispaniya: doroga k imperii* [Spain: the road to empire]. Moscow, 2008. 764 p.
14. Belkin S.I. *Golubaya lenta Atlantiki* [The Blue ribbon of the Atlantic]. Leningrad, 1990. P. 240.
15. Shirokorad A.B. *"Krestovyi pokhod" protiv Rossii. Tysyacheletnyaya agressiya Zapada* ["Crusade" against Russia. The thousand-year aggression of the West]. Moscow, 2015. 352 p.
16. Panishchev A.L. *Problema sootnosheniya nravstvennogo i pravovogo soznaniya v vozzreniyakh V.S. Solov'eva i I.A. Il'ina: monogr.* [The problem of the correlation of moral and legal consciousness in the views of V. S. Solovyov and I.A. Ilyin: monograph]. Kursk, 2007. 128 p.
17. Ostrovskii B. *Stepan Osipovich Makarov (1848–1904)* [Stepan Osipovich Makarov (1848–1904)]. Leningrad, 1951. 432 p.
18. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. Moscow, 2002. 736 p.
19. Pikul' V.S. *Sobranie sochinenii: v 13 t. T. 5. Katorga* [Collected works: in 13 volumes. Vol. 5. Penal servitude]. Moscow, 1994. 227 p.
20. Tolstoi A.N. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 5. Khozhdenie po mukam* [Collected works: in 10 volumes, 1982. Vol. 5. The journey through torment]. Moscow, 1982. 584 p.
21. Goncharov Yu.M. The lower ranks of the Russian army in the regional society of Siberia in the second half of the XIX – early XX century: worldview, consumer culture and traditions. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya" = The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*, 2017, vol. 21, pp. 89–95. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ПАНИЦЕВ – кандидат философских наук, доцент, профессор РАЕ, старший научный сотрудник Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, Курск, Россия, профессор кафедры философии, религиоведения и теологии Славяно-Греко-Латинской Академии, Москва, Россия, Alexeipl1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSEI L. PANISHCHEV – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Senior Researcher at the Kursk Institute of Management, Economics and Business, Kursk, Russia, professor at the Department of Philosophy, Religious Studies and Theology of the Slavic Greek Latin Academy, Moscow, Russia, Alexeipl1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

Статья поступила 07.11.2023